

*Соловей Т.Д.**

От «буржуазной» этнологии к «марксистской» этнографии: стратегии продвижения марксистской ортодоксии в раннесоветский период

Аннотация: Предмет исследования – историографическая ситуация в этнологии раннесоветского периода и ее динамика, вызванная радикально менявшимся политическим и идеологическим контекстом. Базовыми характеристиками состояния этнологии в 1920-х гг. являлись теоретико-методологический плюрализм при парадоксальном отсутствии марксистского направления, а также высокая динамика теоретического дискурса. Дискуссия по методологическим вопросам этнологии, происходившая на рубеже 1920-1930-х гг. стала естественным развитием историографической ситуации и одновременно критическим рубежом в развитии этнологии. Молодые интеллектуалы, которых условно можно называть «марксистами», и их неформальный лидер В.Б. Аптекарь инициировали теоретическую дискуссию, определили ее характер и направление: марксизм как «единственно верный» научный метод был противопоставлен концептуальным построениям «буржуазной» этнологии. Однако перевод этнографии на «марксистские рельсы» едва не привел к упразднению самой научной дисциплины. В статье реконструируются контекст, ход и содержание дискуссии; рассматриваются разные варианты марксизма, предлагавшиеся как «буржуазными» специалистами, так и молодыми гуманитариями; анализируются стратегии продвижения интеллектуальных позиций. В результате возобладало догматическое понимание марксизма, дискуссия была насильственно прекращена, принципиальные теоретические вопросы дезавуированы, а этнография сведена до статуса вспомогательной научной дисциплины.

Ключевые слова: история этнологии, марксистская этнография, дискуссии рубежа 1920-1930-х гг., предмет этнологии, этнографическое совещание 1929 г., П.Ф. Преображенский, В.Б. Аптекарь, В.Г. Богораз

УДК 39+930.1

Abstract: The subject of the research is the historiographical situation in the ethnology of the early Soviet period and its dynamics caused by a radically changing political and ideological context. The basic characteristics of ethnology in the 1920s. were theoretical and methodological pluralism with the paradoxical absence of the Marxist direction, as well as high dynamics of theoretical discourse. The discussion on the methodological issues of ethnology that took place at the turn of the 1920s and 1930s. became a natural development of the historiographical situation and at the same time a critical milestone in the development

* *Соловей Татьяна Дмитриевна* – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tsolovei19@yandex.ru)

of ethnology. Young intellectuals, who can be called “Marxists”, and their informal leader V.B. Aptekar’ initiated a theoretical discussion, determined its character and direction: Marxism as the “only correct” scientific method was opposed to the conceptual constructs of “bourgeois” ethnology. However, the transfer of ethnography to the “Marxist rails” almost led to the abolition of the scientific discipline itself. The article reconstructs the context, course and content of the discussion; it considers different variants of Marxism, proposed by both “bourgeois” specialists and young humanities scholars; it also analyzes strategies for promoting intellectual positions. As a result the dogmatic understanding of Marxism prevailed, the discussion was forcibly stopped, fundamental theoretical issues were disavowed, and ethnography was reduced to the status of auxiliary scientific discipline.

Key words: history of ethnology, Marxist ethnography, discussions of the turn of the 1920s – 1930s, subject of ethnology, ethnographic meeting of 1929, P.F. Preobrazhensky, V.B. Aptekar’, V.G. Bogoraz

Базовой характеристикой историографической ситуации 1920-х гг. в этнологии являлся теоретико-методологический плюрализм. Поскольку государственной поддержкой пользовались все типы этнографических центров, а серьезные идеологические ограничения в профессиональной сфере отсутствовали, то этот плюрализм можно назвать парадигматическим, подразумевая под «парадигмой» не только научную теорию, но имеющее институциональную опору и ресурсы научное сообщество, борющееся за гегемонию в той или иной области исследований. В этом смысле влиятельной парадигмой в этнологии 1920-х оставался эволюционизм, яркими протагонистами которого выступали Л.Я. Штернберг и В.Н. Харузина¹. Вместе с тем эволюционизм отступал под натиском новых теоретических подходов (или парадоксально переплетался с ними), в первую очередь культурно-исторической школы Ф. Боаса и вообще течений, обобщенно именовавшихся «диффузионизмом»². В орбите влияния разных версий диффузионизма находились В.В. Богданов, В.Г. Богораз, П.Ф. Преображенский и др.³

Вместе с тем, в парадигматическом плюрализме этнологии 1920-х гг. отсутствовало марксистское направление, если понимать под ним адаптацию марксизма в профессиональных целях конкретных наук. Как точно подметил Ю. Слезкин «Существовали этнографы-марксисты, но не существовало марксистской этнографии»⁴.

¹ Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. С. 104-106; Ее же. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. С. 186-187.

² Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 187-188.

³ Преображенский П.Ф. Вопросы развития советской этнологии // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Под редакцией В.В. Богданова, С.П. Толстова. М., 1929. С. 14-22; Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 187.

⁴ Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928-1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 115.

В отличие от истории, которая была очень важна в новом социополитическом контексте, этнология не представляла для власти интереса в качестве непосредственного пропагандистско-идеологического оружия и поэтому создание в ней «марксистского сектора» не форсировалось. Не очень привлекала этнография, в сознании большинства ассоциирующаяся «с изучением отсталых народов и экзотических обычаев», и коммунистическую молодежь, «жаждавшую “настоящего дела” и теоретических баталий»⁵.

Попытки создать марксистскую школу в этнологии, сформировав в учебных и научных центрах отряд коммунистов-выдвиженцев, рекрутировавшихся по признаку социального происхождения и политической благонадежности, предпринимались⁶, но долгое время они не имели серьезного эффекта. Ведущие позиции на учебных кафедрах, в научных учреждениях и профессиональных изданиях вплоть до конца 1920-х гг. занимали этнологи старой школы. Их молодые коллеги, несмотря на свой апломб и претензии на монопольное владение «единственно верным методом» не могли составить конкуренции «буржуазной» профессуре хотя бы в силу низкой профессиональной квалификации. А необходимость использования потенциала этнографии для решения задач модернизации позволяла власти сквозь пальцы смотреть на немарксизм «буржуазных» специалистов-этнографов. Кроме того, лидеры этнографии Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз плохо подходили на роль «буржуазных» ученых: «Бывшие народовольцы, оба пострадали за правое дело, а Штернберга заметил сам Энгельс»⁷.

Марксизм не представлял в тот момент единой модели знания. В историографии не раз подчеркивалось «наличие различных исследовательских практик и проектов, помещавшихся под легитимирующей “шапкой” марксистской науки», разных вариантов марксизма, предлагавшихся как маститыми, так и молодыми исследователями⁸. Шел диалог «между марксизмом как идеологией, как предметом преподавания и как набором идей для дискуссии»⁹.

Плоды индоктринации марксизма как идеологии в научном сообществе были неоднозначными. Знание марксистской социологии номинальными «марксистами» носило чаще всего поверхностный и вульгаризованный характер. Для понимания качества той «философской» подготовки, которую получали марксистские неопиты, достаточно упомянуть, что именно в 1920-е годы на смену термину «философ» пришли советские неологизмы «диаматчик» и «истматчик». Эту характеристику получали специалисты, которых выпускал философский цикл Московского университета: «...мы готовим на этом цикле не философов, а диаматчиков», – нескрываяемо уничижительно отзывался о своих «питомцах»

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 163-178.

⁷ Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне... С. 114.

⁸ От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5-11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 22-23.

⁹ Там же. С. 28.

преподаватель философии дореволюционной закалки¹⁰. Так закладывалось небезосновательно презрительное отношение последующих поколений к тому, что представляли «исторический и диалектический материализм» в официозном советском исполнении. (Вот характерное высказывание известного советского философа М.К. Мамардашвили: «Скажем, в мое время на философском факультете – я окончил его в 1954 г. – всякий человек, который занимался историческим материализмом, был презираем <...> Сам знак того, что ты занимаешься болтовней, называемой историческим материализмом, свидетельствовал о том, что ты мерзавец»¹¹).

Неоднозначными по последствиям были попытки внедрения марксистских идей в процесс преподавания в рамках профессиональной подготовки этнологов¹². На факультетах общественных наук университетов с 1924 г. в качестве обязательного предмета вводился курс «Истории развития общественных форм», где формы экономики, семьи, политической организации рассматривались в оптике смены формаций или «социологических эпох». Это позволяло включить этнографический материал в социологизированный вариант всемирной истории, «главными методологическими предпосылками которого были формационный подход, идея однолинейной эволюции и поиска закономерностей в развитии человеческого общества»¹³. Одноименный (хотя и с несколько иным содержанием) курс на этнологическом факультете I МГУ читал профессор П.Ф. Преображенский; позже он был издан под названием «Курс этнологии» (М.; Л., 1929). Студенты этнологического факультета интересовались марксизмом¹⁴, но «держать курс» на марксизм не означало «приблизиться» к нему. Тем более что эффективных образцов его адаптации к профессиональной проблематике старшими товарищами пока предложено не было.

Похожей была ситуация в Географическом институте в Ленинграде (оплоте «полевой этнографии», детище Л.Я. Штернберга), где в 1924 г. в учебный план были включены курсы по марксистской теории и текущей политике за счет сокращения всех негуманитарных предметов. Но «дело создания марксистского направления в этнографии от этого не выиграло». «В научных изданиях было мало марксизма. А в научных обществах – мало марксистов»¹⁵.

Интерес к марксизму как научной теории («набору идей») в профессиональном сообществе этнологов присутствовал. Парадоксальным образом, именно «буржуазным» специалистам

¹⁰ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. редактор В.Н. Топоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. С. 22.

¹¹ Цит. по: Семенов Ю.И. О моем «пути в первобытность» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М.: Наука, 2003. С. 186.

¹² Марков Г.Е., Соловей Т.Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 79-91; Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 159-178.

¹³ От классиков к марксизму... С. 29.

¹⁴ Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 174-176.

¹⁵ Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне... С. 115.

принадлежали первые попытки освоения марксистской методологии, как правило, в виде ее синтеза с другими теоретическими подходами.

В.Г. Богораз-Тан, этнограф, беллетрист, общественный деятель и профессор ЛГУ, пытался соединить довольно прямолинейный эволюционизм с антропогеографией Ф. Ратцеля, антропологией Фр. Боаса и марксистской диалектикой в книге «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии» (Л., 1928). Блестящий полевик, он был склонен к специфическому стилю теоретизирования, в котором «огромная эрудиция и глубокое знание “первобытных” культур совмещались с эклектичностью методологии». Исходя из полевого опыта, он интерпретировал марксизм «как преимущественное внимание к способам жизнеобеспечения, материальной культуре и взаимодействию человека с географической средой»¹⁶.

В сравнении с Богоразом, который чувствовал себя в марксизме «неуверенно», марксистский опыт Преображенского оказался более основательным. Фигура П.Ф. Преображенского¹⁷ интересна как пример *творческого* подхода к марксизму. Собственное теоретическое кредо он формулировал следующим образом: «...только из синтеза классической эволюционной школы (Морган, Тэйлор) с достижениями школы культурно-исторической может возникнуть построение, базирующееся на месте истории как науки, – историческом материализме»¹⁸. Хотя магистральное направление своих усилий – формирование *историко-материалистической* концепции развития человечества – Преображенский определял во вполне марксистском духе, избранный им путь достижения этой цели выглядел сомнительным в политико-идеологической перспективе. Дело в том, что исторический материализм ученый не отождествлял с марксистской социологией и вообще допускал множественность его интерпретаций, что было естественно для середины 1920-х гг., но стало опасно несколькими годами позже, когда началась канонизация одной из версий, причем очень узкой, этого философско-социологического направления. Преображенский же более чем критически относился к концепции «первобытного коммунизма» К. Маркса и Ф. Энгельса, полагая ее плодом ошибок, заблуждений и непроверенных наблюдений¹⁹. Так что потенциальный антимарксизм был налицо.

Более того, у Преображенского была амбиция *лично* сформулировать историко-материалистическое понимание истории, да еще с опорой на «буржуазное» наследство и с привлечением «буржуазных» же теоретических течений. Если добавить к этому претензии

¹⁶ От классиков к марксизму... С. 45.

¹⁷ Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. Вып. I. Сост. Д.Д. Тумаркин. М., 1999. С. 235-264.

¹⁸ Цит. по: Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский... С. 246.

¹⁹ Там же. С. 250-251.

рассматривать этнологию как субститут социологии и историческую метанауку²⁰, мы получим целый набор потенциальных мишеней для идеологической критики и политических обвинений.

Надо признать, что теоретико-методологическое состояние этнологии 1920-х гг. давало основания для критики. Безбрежное расширение предмета этнологии, в результате чего она теряла свою специфику, терминологическая невнятность, быстрое умножение конкурирующих теорий, создание спекулятивных и псевдонаучных концепций (например, яфетической теории Н.Я. Марра) оставляли раздражающее впечатление теоретического хаоса и были чреваты интеллектуальной дезориентацией. Одновременно, так проявлялась «цветущая сложность» этнологии, которая по ряду параметров (социальный статус, институциональная структура, масштабы профессиональной подготовки) находилась в фазе успешного и плодотворного развития²¹.

Марксизм против «буржуазной» этнологии

Отличительным признаком качественного состояния этнографии на исходе 1920-х гг. была перманентная методологическая ревизия и высокая динамика теоретического дискурса. Органичным аспектом подобной историографической ситуации стала дискуссия по методологическим вопросам этнологии рубежа 1920-1930-х гг., оказавшаяся по невольному хронологическому совпадению критическим рубежом развития науки.

К концу 1920-х гг. дискуссия достигла кульминации, вылившись в серию диспутов. Но если причины дискуссии коренились в логике развития науки, то в ходе самой дискуссии эта логика оказалась деформирована. Перевод этнографии на «марксистские рельсы» едва не привел к ее упразднению как научной дисциплины.

В каком контексте развивалась дискуссия этнологов? На рубеже 1920-1930-х гг. проходила череда научных совещаний по всем отраслям знания, где дискутировались наиболее острые вопросы каждой из наук. Эти совещания и дискуссии – своеобразный жанр советской науки – в сталинское время «были способом как установления консенсуса внутри дисциплин, так и встраивания их в постоянно меняющийся политико-идеологический ландшафт»²².

В исторической науке безраздельно господствовала «школа М.Н. Покровского», а в лингвистике триумфальное восхождение совершало «новое учение о языке» Н.М. Марра. Заслуживает упоминания дискуссия «диалектиков» (А.М. Деборин и другие) и «механицистов» (И.И. Скворцов-Степанов, Н.И. Бухарин, А.А. Богданов и другие), которая завершилась убедительной победой «диалектиков»,

²⁰ Там же. С. 246.

²¹ Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 179-192; Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии... С. 28-112.

²² От классиков к марксизму... С. 22.

постулировавших, будто «только марксистская философия может выступать в роли арбитра, диктующего наукам основные законы диалектики»²³.

Здесь особенно уместны параллели с исторической наукой: в дискуссиях историков закладывалась общая рамка и логика перестройки социогуманитарного знания, оттачивались модели марксистского продвижения, формировался новый научный этос и научный язык, вырабатывался специфический полемический стиль. Логику развития исторических дискуссий в раннесоветский период воспроизводит историк В.Ю. Соколов. Приведем несколько содержательных выдержек из его монографии «История и политика». Если 1920-е гг. в отечественной исторической науке стали периодом «наиболее эффективных форм развития марксистской мысли», а исторические дискуссии в начальной фазе оказались своеобразным «потерянным раем» историографии, то по мере развития дискуссий их участники все чаще апеллировали «к приемам, наработанным внутрипартийной борьбой»²⁴. Следуя далее в русле внутрипартийной полемики, участники дискуссий все чаще искали аргументы не в конкретной истории, а в практике политической борьбы. Веским доводом становился «не исторический факт, а умелая политическая квалификация того или иного суждения»²⁵. «Опасность использования опыта внутрипартийной полемики заключалась не в самом этом факте, а в том, что обращение историков к политическим доводам подменяло конкретно-исторический анализ, упрощало, огрубляло их работу, сводило ее к созданию все новых и новых политически акцентированных социологических схем»²⁶.

Между тем только сохранение определенной автономии научных исследований от политической практики могло обеспечить нормальное развитие дискуссии. Беда в том, что сами ее участники не были готовы к поддержанию подобной автономии, «беспечно эксплуатируя идейный потенциал внутрипартийной полемики, то и дело сбиваясь на язык идеологических сентенций»²⁷.

Анализируя причины «повальных отступлений историков-марксистов от своих научных взглядов и послушного принятия политических обвинений», Соколов подчеркивает важность не только партийно-дисциплинарного аспекта и внешнего давления в ситуации радикально меняющегося идейно-политического контекста, мотивировавших групповое поведение, но и такого фактора, как формирование в научной среде идеологической «самоцензуры», создавшей, в конечном счете, основания для введения в исторические исследования системы «декретивного» решения спорных вопросов²⁸.

²³ Там же. С. 28-29.

²⁴ Соколов В.Ю. История и политика. (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск: Издательство Томского университета, 1990. С. 121.

²⁵ Там же. С. 122.

²⁶ Там же. С. 122-123.

²⁷ Там же. С. 130.

²⁸ Там же. С. 196.

Отмеченные закономерности с некоторыми оговорками могут быть экстраполированы на динамику дискуссий, происходивших на рубеже 1920-1930-х гг. в этнологии.

Интересными представляются и науковедческие зарисовки историка и философа Ю.И. Семенова, исследующего причины полного «единомыслия», которое утвердилось в гуманитарных дисциплинах к началу 1930-х в результате «идеологических погромов, сопровождавшихся репрессиями против ученых», в том числе против этнографов. Внутренним (внутридисциплинарным) источником подобного «единомыслия» он считает «догматизм» научного сообщества, «атрофию (или изначальное отсутствие) способности самостоятельно мыслить». За редкими исключениями люди оказывались совершенно неспособными «сказать свое собственное слово... Они могли только верить»²⁹. Думается, эти соображения Семенова позволяют объяснить тот факт, что нигилистический призыв к «отмене» этнографии (дисциплины имевшей столетнюю историю и успешно развивавшейся в раннесоветском контексте) и замене ее «марксистской социологией» (причем это не было официальной партийной позицией, но лишь индивидуальным мнением узурпаторов прерогатив партии) был практически без сопротивления принят профессиональным сообществом. С готовностью порывая связь с этнографическим цехом и отказываясь от цеховых символов веры и кумиров, участники дискуссий (за редчайшими исключениями) искали и находили новые объекты веры. В том контексте новым символом веры стал марксизм, который являл в их глазах сумму догм.

После этой обширной интродукции вернусь к ситуации в этнологии конца 1920-х гг.

С 1928 г. обсуждение методологических вопросов этнологической науки активизировалось. Молодые интеллектуалы-марксисты и их неформальный лидер В.Б. Аптекарь инициировали теоретическую дискуссию, определили ее характер и направление: марксизм как «единственно верный» научный метод был противопоставлен концептуальным построениям «буржуазной» этнологии.

Далеко не случайно заглавной фигурой дискуссии оказался В.Б. Аптекарь – человек, называвший себя «московским представителем» Н.Я. Марра и входивший в ближний круг академика. Теоретические построения Марра – этого «талантливого дилетанта» (по определению В.М. Алпатова) в строго академическом смысле носили фантазмагорический характер. Точным представляется их определение как научного *мифа*, то есть такой интеллектуальной конструкции, вопрос о научной адекватности которой второстепенен по отношению к ее мобилизующей силе.

Секрет всепобеждающей силы «нового учения» крылся в том, что оно соблазняло существованием марксистской «отмычки» к сложным вопросам гуманитарных наук. Поскольку имя этой «отмычки» – марксистская диалектика, марксистский метод – было известно, то ключевой практический вопрос состоял в том, *кто* владеет лицензией на пользование этим универсальным оружием.

²⁹ Семенов Ю.И. О моем «пути в первобытность»... С. 187.

Именно попытки его решения создали политико-идеологическую динамику в языкознании и гуманитарных науках в целом. До второй половины 1920-х гг. теория Марра была одной из конкурировавших в лингвистике относительно равноправных парадигм. Ситуация переменялась, когда лица в ближайшем окружении академика В.Б. Аптекарь и С.Н. Быковский начали борьбу за превращение «интересного, но непонятного» учения в «единственно марксистскую» теорию в советском языкознании. Собственно, они и создали «марризм» как культурно-идеологическую доктрину, безотносительную к научной стороне дела. В этом смысле их роль аналогична роли И.И. Презента в построении лысенковской системы и обеспечении ее «триумфального шествия» в науке и за ее пределами.

Выбор Аптекарем и его сподвижниками в качестве первой мишени идеологической экспансии в обществознании именно *этнологии* вряд ли был случаен. Исходившие от нее претензии на создание теории исторического материализма воспринимались ближайшим окружением академика Марра как угроза аналогичным амбициям этого круга, что обрекало этнологию на разрушительное идеологическое нападение.

Точкой отсчета в теоретической дискуссии этнологов стал диспут по докладу В.Б. Аптекаря «Марксизм и этнология», организованный социологической секцией Общества историков-марксистов (ОИМ) в мае 1928 г.

В своем критическом пафосе Аптекарь был весьма убедителен, ясно диагностировав болевые точки современной этнологии: размытость дисциплинарных границ, расплывчатость категориального аппарата, необоснованные претензии на роль метадисциплины. Настораживал идеологический подтекст проделанного им анализа работ «старых специалистов» (В.Г. Богораза, Е.Г. Кагарова, П.Ф. Преображенского), где докладчик обнаружил множественные «извращения» в понимании марксизма – «эkleктизм» и «механический материализм»³⁰.

Казалось бы, после точной постановки «диагноза» и разгромной критики попыток освоения марксизма учеными старой школы докладчик предложит научному сообществу эталон применения диалектико-материалистического метода в этнографии. Однако выводы Аптекаря оказались неожиданными: заявив о принципиальной «несовместимости» этнологии и марксизма, он пришел к заключению о необходимости ликвидации этнологии как науки³¹. Хотя подразумевалась *теоретическая* этнология, этнология как субститут социологии, при существующей неопределенности предметного поля науки под вопросом оказывалось существование этнологии как научной дисциплины.

В историографии высказывалось мнение, будто отсутствие конструктивных предложений – это фактор слабости, «ахиллесова пята» позиции Аптекаря, создавшая ему славу анархиста и «человека

³⁰ Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 109; Ее же. Власть и наука в России... С. 201-202.

³¹ Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии... С. 110; Ее же. Власть и наука в России... С. 202.

с дубиной»³². Однако нигилистический пафос Аптекаря был довольно рационален в контексте преследуемой им долгосрочной стратегии: ликвидировать этнологию, как опасного конкурента марксистской социологии, избавиться от ее претензий на самостоятельное теоретизирование. Что после этого останется от этнологии (и останется ли вообще) – было вопросом второстепенным по сравнению с утверждением группы интеллектуалов в качестве единственных интерпретаторов марксизма.

На первых порах подобная ультрарадикальная позиция не могла получить широкую поддержку (лишь наиболее политизированная часть студенчества, в первую очередь члены ячейки содействия ОИМ I МГУ, солидаризовалась с докладчиком³³). Отменить успешно развивавшуюся научную дисциплину с более чем столетней традицией было чересчур даже для самых активных борцов за внедрение большевизма в науку. Важным аргументом в пользу сохранения этнологии, по мнению П.И. Кушнера-Кнышева, была ее политическая актуальность как единственной науки, «которая дает нам возможность строить наше учение об отсталых народностях...»³⁴.

В целом, однако, большинство согласилось как с критической частью доклада Аптекаря, так и с тем, что «этнография как наука должна быть описательной и подчинена социологии»³⁵.

На Первой всесоюзной конференции историков-марксистов (28.12. 1928 – 4.01.1929) лидер марксистских историков и заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский поддержал «группу молодых этнологов-марксистов» и призвал «более зрелых» марксистов-историков помочь первым «вывести их специальность на прямую дорогу исторического материализма»³⁶. Таким образом, власть давала понять, на чьей стороне ее симпатии.

Заручившись такой поддержкой, В.Б. Аптекарь повышает политический градус публичной риторики. Главным объектом его критики стала книга В.Г. Богораза «Распространение культуры на земле» (1928), лишь подкреплявшая претензии Аптекаря к этнологии. Неуклюжая попытка Богораза применить марксистскую диалектику казалась лишним аргументом в пользу тезиса о несовместимости этнологии с марксизмом. А чрезвычайно широкое толкование предмета новой дисциплины – этногеографии – подтверждало опасения, что буржуазная этнология представляет собой противостоящую марксизму теоретическую метадисциплину³⁷.

Главным оппонентом докладчика выступил С.П. Толстов (продукт советской социализации!), в трактовке которого этнология – «одна из исторических дисциплин, объединяемых методологией исторического материализма»³⁸. Хотя заключительное слово осталось за Аптекарем, процитировавшим

³² От классиков к марксизму... С. 32.

³³ Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии... С. 110; Ее же. Власть и наука в России... С. 203.

³⁴ Цит. по: Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 203.

³⁵ От классиков к марксизму... С. 32.

³⁶ Цит. по: От классиков к марксизму... С. 33.

³⁷ Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии... С. 111; Ее же. Власть и наука в России... С. 207.

³⁸ От классиков к марксизму... С. 33; Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии... С. 111.

Маркса «мы знаем только одну науку – историю» и впервые характеризовавшим этнологию как «суррогат буржуазного обществоведения», диспут продемонстрировал неоднозначность расстановки сил.

Говорить о «марксистском» и «немарксистском» лагерях в этнологии на исходе 1920-х гг. можно было лишь с большой долей условности. Ученые старой школы не только не были антимарксистами, но осуществили первые опыты систематического применения марксизма в этнологии. Молодежь, хотя и исходила из презумпции безальтернативности марксизма как научного метода, по многим вопросам склонна была согласиться скорее с «буржуазными» специалистами, нежели с Аптекарем.

Находясь в процессе становления, «марксистский» лагерь основывался лишь на единстве «против» – против любых альтернатив марксизму, в то время как единство «за» еще не было выработано. Открытым оставался ключевой вопрос: сохранять ли этнологию вообще, и если да, то в каких рамках? В этом смысле позиции Аптекаря – Толстова представляли собой полюса, между которыми помещался спектр мнений, выражавших *«марксистское»!* понимание предмета этнологической науки.

Хотя большинство участников дискуссии рассматривало марксизм как волшебную отмычку, которой покоряются любые отрасли знания, с переводом этнологии на «марксистские рельсы» возникли серьезные проблемы. Адаптировать марксистский социологический инструментарий к дисциплине, квантующей историю человечества не «классами», а расплывчатыми категориями «этнос» и «культура», не удавалось. Существо проблемы емко охарактеризовал Ю. Слезкин. С одной стороны, «быть марксистом значило обнаруживать и анализировать классовое расслоение и классовую борьбу <...> С другой стороны, никто из этнографов-марксистов не сомневался, что их первоочередной теоретической задачей было определить место данного общества в ряду социально-экономических формаций <...> При этом они исходили из того, что этнография есть та часть истории, которая занимается первобытнообщинным строем», то есть изучает общества, «которые по определению не имели классов. Поиски путей преодоления этого противоречия привели к серьезной терминологической путанице и мучительным сомнениям относительно смысла существования этнографии»³⁹.

Ученые старой школы надеялись обеспечить «брак по любви» этнографии и марксизма. Е.Г. Кагаров, историк и этнограф, профессор ЛГУ и Б.А. Куфтин, археолог и этнограф, профессор МГУ, видели решение этой задачи через достижение компромисса между «этносом» (ключевой для цехового самоопределения категорией) и «формацией» (наиболее проработанной в марксистском учении концепцией). «Этнографическая формация» Кагарова⁴⁰, «этническая формация» Куфтина⁴¹,

³⁹ Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне... С. 117.

⁴⁰ Кагаров Е.Г. Пределы этнографии // Этнография. 1928. № 1. С. 11-23.

⁴¹ От классиков к марксизму... С. 268.

а также идея Преображенского о «технически-хозяйственных ареалах»⁴², безусловно, подразумевали «этнос»/«этническую группу» и представляли собой попытки «найти этому понятию (и феномену) “место” в истории»⁴³.

Таким образом, старая школа демонстрировала возможности использования марксизма как инструмента познания, «питомника» идей, наряду с существованием теоретических альтернатив.

Подобные попытки освоения марксизма, рассматривавшие его лишь как равноценный с другими и имеющий свои естественные ограничения теоретический подход, выглядели настораживающее для апологетов вульгаризованной марксистской социологии, удельный вес которых и напор в отечественном общественном сознании нарастали. Апологетов амбициозных, но чаще всего малообразованных. Будучи неспособны компетентно обсуждать профессиональные сюжеты, они неизбежно направляли свою квазинаучную деятельность в русло «борьбы за марксистскую методологию в этнографии».

Чем дальше, тем заметнее в этой борьбе преобладал не позитивный – адаптация марксизма к этнографии, а негативный – критика реальных и мнимых носителей «антимарксистских» взглядов – пафос⁴⁴. Эта позиция выглядела беспроигрышной: поскольку вряд ли кто-то реально представлял, что означает «марксизм» в этнологии, то, дабы прослыть ревнителем марксистской чистоты, достаточно было беспощадно критиковать реальных и мнимых антимарксистов и «уклонистов». Причем критика «антимарксистских» ошибок и заблуждений в науке сопровождалась нарастающими обвинениями в их *политической неслучайности*. Мишенью этих нападков неизбежно оказывались этнографы старой школы – и в силу своей приверженности теоретическому плюрализму, и по причине «сомнительного» классового происхождения.

Поворотным пунктом дискуссии стало совещание этнографов Москвы и Ленинграда 5-11 апреля 1929 г. Собранные почти всех специалистов в этой области из обеих столиц (86 делегатов и 60 гостей⁴⁵), оно призвано было разрешить теоретико-методологические противоречия в профессиональной среде.

Несмотря на нигилистические демарши В. Б. Аптекаря, в начале совещания будущее этнографии питало, пусть осторожный, но оптимизм. Открывший совещание партийный функционер, заведующий Главнауки М.Н. Лядов (Мандельштам), сформулировал в качестве главной задачи форума «наметить те вехи, по пути которых должна развиваться как *самостоятельная независимая наука* (курсив мой. – Т.С.) этнография»⁴⁶, то есть исходил из презумпции ее сохранения. Разумеется, этнография, подобно всем общественным дисциплинам подлежала «марксизации», но ее сохранение в качестве самостоятельной

⁴² Там же. С. 105.

⁴³ Там же. С. 43.

⁴⁴ Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 192-226.

⁴⁵ От классиков к марксизму... С. 26.

⁴⁶ Там же. С. 94.

науки считалось необходимым в видах актуальной политики. И даже под шапкой «марксизации» возможным оставалось обсуждение широкого спектра внутрицеховых проблем.

Однако в радикально меняющемся контексте конца 1920-х, когда резко повышался политико-идеологический градус, этнографическое совещание превратилось в полигон информационно-психологической войны. Цели совещания, предполагавшие продвижение марксистской линии в этнологии и создание на этой основе ценностного консенсуса, достигались методами пропагандистскими (манипулятивными). Именно последние, а не научная аргументация, обеспечили через формирование «спирали молчания» массовую поддержку драматических по последствиям резолюций совещания.

В начальной фазе совещания *еще* звучали различные подходы к пониманию марксизма в этнографии и были использованы различные стратегии продвижения позиции и модели убеждения.

Носители *нормативистского (академического)* этоса – П.Ф. Преображенский, В.Г. Богораз, Е.Г. Кагаров, Б.А. Куфтин, В.В. Бунак, Д.А. Золотарев, Д.К. Зеленин и другие – пытались придать дискуссии сугубо интеллектуальный формат⁴⁷. Но научная аргументация и опора на факты по ходу дискуссии все заметнее обесценивались.

Факты интересовали марксистских ортодоксов (В.Б. Аптекаря, Н.М. Маторина и их адептов) меньше всего. Ортодоксы «сверяли отстаиваемые тем или иным автором положения не с фактами, а с высказываниями К. Маркса, Ф. Энгельса, Л.Г. Моргана и отвергали их на основании расхождения с последними»⁴⁸.

Стратегии продвижения ортодоксально-марксистской позиции различались по форме и степени эффективности.

Образцы убеждения при помощи *плоской прямолинейной пропаганды* использовал профессиональный пропагандист и разоблачитель религиозных предрассудков Н.М. Маторин. Его полемическая модель, основанная на применении плакатно-агитационного языка и митинговых штампов, а также идеологической «стигматизации» оппонентов, в том контексте оказалась не самой успешной⁴⁹.

Манипуляцию, апеллирующую к дорассудочному знанию и эксплуатирующую когнитивистские заблуждения, как ключевой инструмент влияния использовал В.Б. Аптекарь (в ситуации теоретического «хаоса» и профессиональной дезориентации манипулятивные формы убеждения оказались наиболее эффективными⁵⁰).

⁴⁷ Там же. С. 97-100, 254-265, 265-278, 162-164, 167-169, 230-234, 380-381.

⁴⁸ Семенов Ю.И. О моем «пути в первобытность»... С. 175.

⁴⁹ Соловей Т.Д. Этнографическое совещание 1929 года как коммуникативное и пропагандистское пространство // НИР. Современная коммуникативистика. 2018. № 4(35).

⁵⁰ Там же.

Однако хлесткая метафора и идеологическая инвектива были хороши для разоблачения внешних («западный империализм») и внутренних врагов в лице «открытых идеалистов» или полудрузей-полуврагов, которые пытаются «под личиной марксизма протаскивать совершенно идеалистический товар»⁵¹, но не могли компенсировать неубедительность позитивной повестки – определения конфигурации «марксистской этнографии».

В подобной ситуации Аптекарь продолжал «гнуть» линию на минимизацию этнологии, выдвинув идею о необходимости ее ликвидации. Обоснование этой идеи в докладе Аптекаря «Марксизм и этнология»⁵² строилось следующим образом: констатация теоретико-методологической «слабости» этнологии в прошлом и настоящем при одновременном признании невозможности этнографии как чисто описательной науки, а также неудачные попытки адаптации к ней марксизма и, одновременно, её опасные претензии на подмену марксистской социологии вели к заключению, *будто* «всякая попытка построить этнологию как марксистскую науку, будет обречена на неудачу»⁵³.

Комбинируя правду, полуправду и ложь, Аптекарь подводил слушателей к принятию *псевдологических* выводов. Из констатации актуальной «слабости» этнологии никак не следовал вывод о том, что эта слабость есть и будет «перманентным явлением», а преодоление хаоса и возведение позитивного здания этнологической науки неосуществимы ни при каких обстоятельствах. Как не вытекал вывод о её принципиальной несовместимости с марксизмом из того обстоятельства, что этнология, в отличие от истории, имела дело не с «классами», а с «этносом» и «культурой». (Будущее показало, что адаптация марксизма к изучению этнических феноменов возможна, хотя вопрос о глубине и адекватности этой адаптации лучше вынести за скобки).

В своем разрушительном пафосе Аптекарь явно оказался впереди паровоза, ведь партийная позиция в отношении этнографии (если понимать под ней «установочное» выступление Лядова) исходила из логики ее сохранения. Потому молодые интеллектуалы, взявшие на себя имманентное право партийных инстанций формулировать политику в отношении гуманитарных наук (впрочем, их можно понять, ведь до начала 1930-х гг. партия не обозначала внятно своей линии в этой сфере) потенциально оказывались узурпаторами партийных прерогатив с перспективой соответствующих политических выводов.

Резолюция совещания по общим вопросам была сформулирована следующим образом: «...советская этнография выдвигает лозунг не отказа от классиков, а перехода от них к марксизму, от стихийного материализма – к сознательному применению диалектического материализма»⁵⁴.

⁵¹ От классиков к марксизму... С. 134.

⁵² Там же. С. 194-207.

⁵³ Там же. С. 207.

⁵⁴ Совещание этнографов Ленинграда и Москвы 5/IV – 11/IV 1929 г. (Хроника). Резолюция по докладам П.Ф. Преображенского и В.Б. Аптекаря // Этнография. 1929. № 2. С. 117.

Эту резолюцию в историографии интерпретируют как *компромисс*, отражавший, с одной стороны, «полное единство марксистского фронта против <...> всякого эклектизма, вульгарного материализма и идеалистических тенденций в этнографии, против буржуазной “этнологии”»⁵⁵, а с другой – «счастливно найденную в ходе совещания генеалогию новой марксистской советской этнографии, в числе отцов-основателей которой были перечислены “лучшие представители” буржуазной этнографии – Э. Тайлор, М. Кастрен, Л.Г. Морган, Л.Н. Штернберг и Ф. Ратцель»⁵⁶.

Достигнутый компромисс был ситуативен. Консенсус, основанный исключительно на единстве «против» любых альтернатив марксизму, носил характер «негативной коалиции». Контуры марксистской этнографии оставались расплывчатыми, и участники совещания вкладывали в понятие «советская этнография» расходящееся содержание. Поэтому единство «за» обеспечивалось *символически*, через «отцов-основателей», к которым были причислены «лучшие» представители буржуазной этнографии.

Вместе с тем, была кодифицирована линия на сужение предметных рамок этнологии. В резолюции совещания отрицалось построение «этнологии» как теоретической науки; название «этнография» отныне считалось единственно правильным⁵⁷; предметной областью этой науки должно было стать исследование конкретных обществ, преимущественно находящихся на ранних стадиях развития⁵⁸.

Причем *главные* аргументы в пользу этого решения извлекались из идеологии и политики, а не из научной сферы, что значило наступление завершающей фазы генезиса *советской* этнографии как части новой социальной системы. Именно с совещания 1929 г. эпитет «советская» применительно к этнографии стал обязательным, тем самым фиксируя конституирование новой реальности – института советской науки.

Однако политическая победа на «этнографическом фронте» (а именно так следует оценивать итоги совещания 1929 г. и последовавших за ним «карьегардных боев»⁵⁹) была далеко не тождественна «марксизации» науки. Замена «буржуазной» этнологии «марксистской» этнографией оказалась слишком сложным делом, чтобы решить ее наскоком. Наличие группы этнографов-марксистов не вело автоматически к формированию марксистской этнографии. Борьба за идеологический контроль в науке оказалась лишь одной стороной дела. Теперь победившим молодым интеллектуалам было необходимо уже самим предложить «марксистское» понимание предмета этнографии, изложить ее «единственно верные» методологические основания.

⁵⁵ Там же. С. 117.

⁵⁶ От классиков к марксизму... С. 63.

⁵⁷ Совещание этнографов Ленинграда и Москвы... С. 112.

⁵⁸ Там же. С. 117-118.

⁵⁹ Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 214-222.

«Марксистское» понимание этнографии»

Если в критике «буржуазной» этнологии можно было полагаться на такое безотказное оружие как идеологическая аргументация, то в части марксистского определения предмета этнографии ситуация приобретала все более парадоксальный характер. Из установочной статьи лидера советской этнографии, заместителя директора Института по изучению народов СССР, Н.М. Маторина «Современный этап и задачи советской этнографии» следовало, что марксистская этнография должна была основываться на учении об укладах и формациях. Однако в жестких рамках этой парадигмы специфический предмет этнографии исчезал, что открыто признавал сам Маторин: «В свете учения об укладах и формациях становится совершенно очевидно, что “этнография” теряет свой смысл как особая наука. Существует лишь одна наука – история. Этнография <...> представляет фактически один из разделов всемирной истории и занята изучением докапиталистических формаций, иначе – первобытного коммунизма. С другой стороны, этнография занята анализом “пережитков” этой формации в обществе феодальном, рабовладельческом и капиталистическом»⁶⁰.

Пожалуй, главный парадокс формационной теории состоял в том, что ее использование в этнографии означало фактическое возвращение к эволюционизму. Эта схема была проекцией доминировавшего в интеллектуальной и культурной жизни Европы второй половины XIX в. сциентистского стиля мышления, одной из модификаций эволюционистской метатеории. Если политический подтекст формационной теории был прозрачен – доказать правомерность и неизбежность перехода к социализму, а ее прогрессивистский пафос мог утилизироваться в целях социалистической модернизации, то конституирование «пятичленки» в качестве базовой матрицы гуманитарного знания загоняло науку в узкие рамки догматизированной методологии и сводило ее к довольно примитивному эволюционизму.

В любом случае предложенный Маториным «условный» статус этнографии как дисциплины был дорогой в научное небытие.

Всероссийское археолого-этнографическое совещание мая 1932 г., на котором предстояло кодифицировать марксистское понимание этнографии, стало своеобразной тризной по науке. Проблема применения марксистской методологии к конкретным этнографическим исследованиям на совещании не обсуждалась, в его повестке стояли только общеметодологические вопросы, предполагавшие абстрактное социологизирование безотносительно профессиональной тематики.

По сути, пафос совещания сводился к «закрытию» науки. Вслед за «буржуазной» этнологией в праве существования было отказано уже и «марксистской» этнографии. В решениях совещания утверждалось, что «построение этнографии как самостоятельной науки, с особым предметом и методом изучения, противостоящей или равноправной истории» признавалось противоречащим методологии

⁶⁰ Маторин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1-2. С. 19-20.

марксизма; этнография сохраняла значение вспомогательной дисциплины, «находящейся на службе исторического исследования и имеющей своей задачей полевое собирание и первичную обработку непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов»⁶¹.

Установление принадлежности этнографии к содружеству исторических дисциплин не могло компенсировать ее мизерабельный (технологический) статус в этом содружестве. Получалось, что суть марксистского подхода к этнографии состоит в ее фактической ликвидации.

Однако этот ультрарадикальный взгляд не имел официального одобрения и выглядел опасной отсебятиной группы интеллектуалов, присвоившей прерогативу формулирования партийной политики в гуманитарных науках. Увлечшись борьбой на «этнографическом фронте», интеллектуалы упустили некоторые новые важные нюансы партийно-государственной политики по отношению к науке. Письмо И.В. Сталина в журнал «Пролетарская революция» в октябре 1931 г. внесло ясность в отношения между государством и интеллигенцией, показав, что только партийное руководство может быть арбитром истины в любой научной или культурной сфере. Это письмо диктовало и линию поведения интеллектуалам: провозгласив «консолидацию усилий», оно дало понять неуместность научной конфронтации и научного нигилизма в условиях, когда усилия ученых должны быть направлены в русло созидания, а не разрушения.

Этот и другие партийные документы охладил пыл борцов за «марксизацию» этнологии и остановили ее дальнейшее разрушение. Хотя дискуссия по теоретическим вопросам этнологии не имела шансов возобновиться, а крайне суженное понимание предмета этнографии было кодифицировано⁶², ситуация в этнологической науке оказалась заморожена, что позволило сохранить ее кадровую основу и возможность эмпирических исследований. Начавшаяся в контексте «революции сверху» ликвидация этнологии была остановлена также сверху.

Библиография:

- Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. редактор В.Н. Топоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 374 с.
- Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. Вып. I. Сост. Д.Д. Тумаркин. М., 1999. С. 235-264.
- Кагаров Е.Г. Пределы этнографии // Этнография. 1928. № 1. С. 11-23.
- Марков Г.Е., Соловей Т.Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 79-91.
- Маторин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1-2, С. 3-38.

⁶¹ Соловей Т.Д. Власть и наука в России... С. 226.

⁶² Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский... С. 256.

- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5-11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 511 с.
- Преображенский П.Ф. Вопросы развития советской этнологии // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Под редакцией В.В. Богданова, С.П. Толстова. М., 1929. С. 14-22.
- Семенов Ю.И. О моем «пути в первобытность» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М.: Наука, 2003. С. 164-211.
- Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928-1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113-125.
- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы 5/IV – 11/IV 1929 г. (Хроника). Резолюция по докладам П.Ф. Преображенского и В.Б. Аптекаря // Этнография. 1929. № 2. С.112-118.
- Соколов В.Ю. История и политика. (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск: Издательство Томского университета, 1990. 204 с.
- Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 258 с.
- Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101-121.
- Соловей Т.Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. 498 с.
- Соловей Т.Д. Этнографическое совещание 1929 года как коммуникативное и пропагандистское пространство // НИР. Современная коммуникативистика. 2018. № 4(35).

Bibliography:

- Bernshtejn S.B. Zigzagi pamyati. Vospominaniya. Dnevnikovye zapisi / Отв. редактор V.N. Toporov. М.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2002. 374 s.
- Ivanova Yu.V. Petr Fedorovich Preobrazhenskij: zhiznennyj put' i nauchnoe nasledie // Repressirovannyj etnografy. Vy`p. I. Sost. D.D. Tumarkin. М., 1999. S. 235-264.
- Kagarov E.G. Predely` etnografii // E`tnografiya. 1928. № 1. S. 11-23.
- Markov G.E., Solovei T.D. E`tnograficheskoe obrazovanie v Moskovskom gosudarstvennom universitete (k 50-letiyu kafedry` etnografii istoricheskogo fakul'teta MGU) // Sovetskaya etnografiya. 1990. № 6. S. 79-91.
- Matorin N.M. Sovremennyj etap i zadachi sovetskoj etnografii // Sovetskaya etnografiya. 1931. № 1-2, S. 3-38.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5-11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 511 с.
- Преображенский П.Ф. Вопросы развития советской этнологии // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Под редакцией В.В. Богданова, С.П. Толстова. М., 1929. С. 14-22.
- Семенов Ю.И. О моем «пути в первобытность» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М.: Наука, 2003. С. 164-211.
- Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928-1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113-125.
- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы 5/IV – 11/IV 1929 г. (Хроника). Резолюция по докладам П.Ф. Преображенского и В.Б. Аптекаря // Этнография. 1929. № 2. С.112-118.
- Соколов В.Ю. История и политика. (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск: Издательство Томского университета, 1990. 204 с.
- Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 258 с.

Solovei T.D. «Korennoj perelom» v otechestvennoj e`tnografii (diskussiya o predmete e`tnologicheskoy nauki: konec 1920-x – nachalo 1930-x godov) // E`tnograficheskoe obozrenie. 2001. № 3. S. 101-121.

Solovei T.D. Vlast` i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoj e`tnografii v disciplinarnom kontekste (XIX – nachalo XXI vv.). M.: Prometej, 2004. 498 s.

Solovei T.D. E`tnograficheskoe soveshhanie 1929 goda kak kommunikativnoe i propagandistskoe prostranstvo // NIR. Sovremennaya kommunikativistika. 2018. № 4(35).